

УДК 94(575.2):37

**ИСТОКИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)**

А.В. Шипилов

Рассматриваются трудности, сопровождавшие процесс внедрения российского образования в Кыргызстане после его присоединения к России во второй половине XIX в.

Ключевые слова: переселенцы; народное образование; мусульманская школа; русско-туземная школа; русский язык.

**SOURCES OF THE RUSSIAN EDUCATION IN KYRGYZSTAN
(THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY)**

A. V. Shipilov

The article focuses on hardship that accompanied the process of the Russian education implementation in Kyrgyzstan after its accession to Russia in the second half of the 19th century.

Key words: migrants; national education; Muslim school; Russian-native school; the Russian language.

Отношения между народами складываются по-разному в зависимости от конкретной исторической обстановки. Для того чтобы наиболее адекватно провести анализ таких взаимоотношений, необходимо изучить проблему с различных сторон. Так, отношения кыргызов с русскими переселенцами во второй половине XIX в. выражались в нескольких аспектах: социально-экономическом, культурно-ментальном, политическом, религиозном. Одной из важнейших составляющих формирования межкультурного дискурса была сфера образования. Как отмечает О.Л. Сумарокова, «политические процессы, способствовавшие формированию во второй половине XIX в. в Средней Азии многонационального поликонфессионального общества, обязывали государство в первую очередь задуматься о создании здесь просветительских учреждений разных типов для пришлого православного населения, дабы дать возможность всем слоям населения края приобщиться к грамоте» [1, с. 10–12]. И государственные деятели задумывались, и не только о типах учебных заведений, но и о технологиях и языке обучения.

Так, генерал-губернатор Туркестанского генерал-губернаторства К.П. фон Кауфман (с 1867 по 1882 гг.) считал, что «постановка народного образования на русском языке является необходимой

даже в том случае, если задача русского народного образования в крае и не заключала в себе крайне важных вопросов о создании народной школы для туземного населения, в виде противовеса фанатической деятельности туземной мусульманской школы, а состояла единственно в обеспечении нужд одного русского населения» [2, с. 435].

Директор народных училищ Сыр-Дарьинской области С.М. Граменицкий в этой связи считал, что «вопрос о необходимости грамотности для пришлого русского населения Туркестанского края, осевшего среди массы иноверного туземного населения, крепко сплоченного единством веры, вековыми традициями и устоями общественных отношений и привыкшего к условиям местного климата и почвы, и притом в значительной степени грамотного, – не подлежит сомнению» [3, с. 116].

Как отмечают архивные источники, против хорошо организованной конфессиональной системы образования в Туркестанском крае, готовившей имамов, учителей, законоведов российская власть к 1868 г. могла предложить только 8 школ для русскоязычных детей и две школы для туземных, пожелавших обучаться на русском языке [4, с. 29]. Подобное положение дел объяснялось отсутствием централизованного подхода к процессу обучения, что сказывалось в первую очередь на материаль-

ном положении школ, подготовке педагогических кадров, несовершенстве учебных программ и планов, которые часто составлялись местными «специалистами», имевшими о школьном деле весьма смутные представления.

Школьная «епархия», пребывавшая в бедственном положении, требовала к себе пристального внимания российского правительства [1, с. 24], которое ставило перед собой цели утверждения среди коренного населения «российской гражданственности» с момента учреждения Туркестанского генерал-губернаторства (1867 г.). В этой связи организация школ для русскоязычных детей стала определяться как одно из важнейших звеньев утверждения самодержавия в Туркестане. «Туркестанские ведомости» по этому поводу писали: «Ввиду официально признанной культурной миссии русских в Средней Азии необходимость школьного образования здесь является неоспоримой» [5].

Первоначально планировалось привлекать детей местного населения непосредственно в школы для русских. С этой целью администрация Туркестанского края обязала военных губернаторов областей принимать меры к устройству в уездных городах пригостительных пансионатов, или ученических квартир для детей местного населения. Такой пансион в Кыргызстане впервые открылся в 1874 г. в Караколе. Он назывался киргизской, или азиатской школой. Позже подобная школа-интернат начала работать и при Пишпекском городском училище. Всего же в Кыргызстане до 1917 г. действовало три таких заведения, однако количество учащихся-кыргызов в них за учебный срок не превышало 60 человек вместе взятых [6, с. 244].

Это объяснялось тем, что в русских школах, естественно, не изучался ислам, что, конечно, отпугивало подавляющее большинство кыргызов, поэтому было принято решение с 1886 г. создавать так называемые русско-туземные школы, где наряду с изучением грамоты на арабском алфавите и основ ислама изучался русский язык, знание которого имело как общеобразовательное, так и практическое значение. Эти школы являлись компромиссом между интересами администрации края и опасениями местного населения о вытеснении школ религиозного вероучения. Система русско-туземных школ, писал в 1866 г. министр народного просвещения Д.А. Толстой, «должна иметь целью более прочное сближение инородцев с коренным русским народом путем распространения русского языка» [7, с. 51], а К.П. фон Кауфман считал, что «...только народное образование способно завоевать край духовно: ни оружие, ни законодательство не могут сделать этого, а школа и только школа может» [7, с. 52].

Е. Недерица писал: «Образовательное дело является делом великим, делом первой государственной важности. Край в свое время, так или иначе, завоеван, и он становится немалой частью нашего обширного отечества... Если бы туземцы, сарты и киргизы свободно заговорили по-русски, русское дело в крае можно было бы считать утвердившимся. Факт общепризнанный, что мы – духовные дети того государства, того народа, на языке которого мы говорим» [8, с. 181].

Надо отметить, что особого внимания в комплексной русско-туземной школе, которая внедрялась царской администрацией как новый тип учебного заведения, требовал вопрос религиозного воспитания. Дело в том, что в XIX в. Закон Божий являлся основным нравственно-мировоззренческим предметом для общеобразовательных школ как европейской части России, так и русских школ Туркестанского края. Н.П. Остроумов отмечал, что в школах для совместного обучения русских и туземных детей, основанных до учреждения Туркестанского генерал-губернаторства, «мусульманской грамоты и мусульманского Закона Божия пансионеры не изучали» [9, с. 128], а в Казалинском училище, основанном в 1860 г., для местных национальностей вместо Закона Божия вводилось расширенное изучение русского языка [1, с. 131].

Надо сказать, что часть местного населения хорошо понимала растущую необходимость нового образования. Так, жители Токмака (кыргызы, дунгане, узбеки), обращаясь к главному инспектору городских училищ Туркестанского края, говорили, что «... времена теперь изменились, мало обучать детей по-своему, явилась необходимость просвещать их русским познаниям и грамотности» [10, с. 90–91].

Надо отметить, что российские власти, для того чтобы не возникало ненужных национальных трений, стремились образовывать русско-туземные школы для детей одной народности. Первая подобная школа для дунганских детей была открыта в Кыргызстане в 1884 г. недалеко от Токмака, а в 1887 г. появилась школа в Оше, где в основном учились узбеки [6, с. 245]. В 1897 г. открылась школа в Токмаке, в которой занимались в большинстве своем кыргызы. Кстати, надо подчеркнуть, что инициаторами открытия таких школ в Токмаке и Караколе являлись местные кыргызы [6, с. 246].

Первая приходская школа открылась в 1870 г. в Токмаке, а в 1874 г. такая же школа – в Караколе [6, с. 251]. Городских училищ в Кыргызстане было два – Пржевальское и Пишпекское. Те, кто успешно завершил 4-летний курс, могли без экзаменов поступать в I класс гимназии или реального училища; те же, кто окончил полный курс, име-

ли право поступать на государственную службу [6, с. 252]. Во всех вышеперечисленных заведениях могли учиться и дети местного населения, что в очередной раз показывает четкую направленность российских властей на повышение образовательного-культурного уровня кыргызов и других народов Кыргызстана.

Примечательно, что, по отзывам русских чиновников и учителей, наиболее положительно к получению светского образования на русском языке из всех народов Центральной Азии относились кыргызы. Так, один из чиновников, отмечая, что кыргызы охотно сдают деньги на организацию гимназии, говорил, что «этому способствует свойственная из всех среднеазиатских народностей лишь киргизам черта – страсть к европейскому образованию» [11, с. 63], а И.И. Гейер отмечал, что «особенное сочувствие к этому роду школы (русско-туземной) наблюдается среди киргизов» [12, с. 29]. В 1895 г. А. Талызин (начальник Пишпекского уезда) предложил манапам обучать кыргызских детей русской грамоте, на что многие согласились, лишь Шабдан выдвинул условия, чтобы эти школы были при мечетях [13, с. 76].

Несмотря на все старания администрации края, на все предпринимавшиеся меры нельзя утверждать, что русско-туземная школа оправдала себя как новый компромиссный тип учебного заведения. Как отмечали многие современники, результаты этой деятельности были едва заметны. К примеру, русский этнограф и исследователь Средней Азии В.П. Наливкин писал: «Более двадцати лет прошло с тех пор, как мы принялись за осуществление проекта – покрыть край... русско-туземными школами. В течение 20 лет через эти школы прошло несколько тысяч туземных мальчиков. Часть их разбегалась и разбегается, не окончив курса... Другая, усвоив кое-что,.. быстро и не возвратно забывает все воспринятое...» [14, с. 85–86].

В качестве одной из причин «непопулярности и недостаточной успешности русско-туземных школ... назывался фанатизм и косность мусульманского населения; ...туземцы, будучи по натуре своей глубокими материалистами, смотрят и на обучение детей своих исключительно с практической стороны, но, не видя непосредственных выгод от обучения детей в русско-туземных школах, они, в то же время учитывают отсутствие работника в семье, ибо курс обучения довольно продолжителен – 4 года; поэтому, в большинстве случаев, дети покидают школу, едва научившись немного читать, писать и говорить по-русски [15, с. 181]».

Еще одну причину Н.С. Лыкошин, Е.Т. Смирнов, С.М. Граменицкий, Н.П. Остроумов и другие связывали с имамами, которые, якобы, беспокоясь

о сохранении веры, распространяли слухи о том, что русско-туземные школы созданы для обращения мусульман в христианство [16, с. 7; 17, с. 88; 18], и тем самым подрывали авторитет государственных школ. Кроме того, ходили в народе слухи и о том, что детей учили грамоте, чтобы забрать их в солдаты.

К примеру, инспектор народных училищ Туркестанского края С.М. Граменицкий указывал на случаи, когда родители, не желая давать своим детям светское образование, нанимали посторонних мальчиков, которые поступали в школу под именами других детей [19, с. 45].

Надо сказать, что администрацию края не устраивало сложившееся в образовании положение дел, поэтому были предприняты попытки заставить коренное население заниматься изучением русского языка в законном, как говорится, порядке. Об этом упоминает, в частности, Н.С. Лыкошин в одной из своих статей, ссылаясь на приказ генерал-губернатора Н.И. Гродекова, согласно которому должностные лица туземной администрации обязывались вести служебную переписку на русском языке. Как пишет Н.С. Лыкошин, распоряжение, очевидно, поставило должностных лиц из туземцев в безвыходное положение, и результаты получились бы блестящие, но случились беспорядки, начальство поменялось, и вопрос о ведении служебной переписки на русском языке остался открытым, а распоряжение губернатора понемногу забылось. Так эта мера не привела к желаемому результату [20, с. 29].

Одной из основных причин, здесь мы вполне солидарны с исследователями, по которой дореволюционная русская школа не смогла составить достойной конкуренции конфессиональной, является не только отсутствие реальной мотивации к изучению русского языка, но и – понимания необходимости формирования в народном сознании такой мотивации [1, с. 148]. В этой связи С.М. Граменицкий признавал, что открытие русско-туземных школ в сельских местностях с исключительно мусульманским населением было ошибкой администрации, поскольку население кишлаков не имело ни малейшей потребности в знании русского языка. Впоследствии все они были перенесены в города, в которых туземное население жило в соприкосновении с русским [19, с. 8].

Как видим, российские образовательные традиции с большим трудом приживались на новых территориях Российской империи – в Туркестане, но русско-туземные школы как компромиссный проект явились главными проводниками русской речи и русской культуры, что не сразу было позитивно воспринято туземным населением края.

Литература

1. *Сумарокова О.Л.* История российского образования в Киргизии и роль в нем русского языка (1960-е – 1917 гг.) / О.Л. Сумароков. Бишкек, 2009.
2. Проект всеподданнейшего отчета ген.-адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867– 25 марта 1881 г. СПб., 1885.
3. *Бендриков К.Е.* Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 гг.) / К.Е. Бендриков. М., 1960.
4. Русский Туркестан. Сборник изданий по поводу Политехнической выставки. Вып. I. География и статистика. М., 1872.
5. Туркестанские ведомости. 1899. № 65.
6. История Киргизской ССР: в 5 т. Т. 2. Фрунзе, 1986.
7. *Храпченков Г.М.* История школы и педагогической мысли Казахстана / Г.М. Храпченков, В.Г. Храпченков. Алматы, 1998.
8. *Недерица Е.* Обзор хода учения в вечерних курсах для взрослых туземцев, устроенных при мужских училищах Туркестанского края / Е. Недерица // Туркестанские ведомости. 1885. № 41.
9. *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана / В.В. Бартольд. Л., 1927.
10. ЦГА КР. Ф. 47. Д. 3055.
11. *Кронгардт Г.К.* Население Кыргызстана во второй половине XIX – начале XX вв. / Г.К. Кронгардт. Бишкек, 1997.
12. *Гейер И.И.* Туркестан / И.И. Гейер. Ташкент, 1909.
13. Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сборник документов и материалов: в 2 кн. Кн. 1. Бишкек, 2007.
14. *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь / Изд. А.Л. Кирснера. Ташкент: Электр. типо-лит. «Турк. т-ва печатного дела», 1913.
15. Обзор Ферганской области за 1910 год. Новый Маргелан, 1911.
16. *Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане: Очерки быта туземного населения / Н.С. Лыкошин. Петроград, 1916.
17. ЦГА КР. Ф.И. 86. Оп. 1. Д. 2.
18. *Остроумов Н.П.* Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае / Н.П. Остроумов. URL: <http://www.vostlit.info> и др.
19. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае / Сост. инспектор народных училищ Туркестанского края 1-го района С. Грамницкий. Ташкент, 1896.
20. *Лыкошин Н.* Казии (народные судьи): Бытовой очерк оседлого населения Туркестана / Н. Лыкошин // Русский Туркестан. Т. 1. Ташкент, 1899.